

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ВАЛЕРИЯ
ВЕРБИЦКАЯ

СНЕЖНАЯ РОЗА

Любовь, интрига, тайна

Валерия Вербинина

Снежная роза

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вербинина В.

Снежная роза / В. Вербинина — «Эксмо», 2018 — (Любовь, интрига, тайна)

ISBN 978-5-04-097752-9

Прежде чем Наташа Верещагина стала знаменитой парижской манекенщицей, ей в полной мере пришлось испытать все тяготы первой русской эмиграции: бедность, неблагодарная работа, унижения. Но теперь она – Натали де Круассе, вторая супруга французского графа, хозяйка огромного замка. Вот только знатную семью преследуют нескончаемые беды: несколько лет назад умерла мать графа, совсем недавно погибла его первая жена, теперь неизвестно куда пропал зять. Распутывать эту цепочку трагических событий поручают лучшему парижскому сыщику – Арсену Буало.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-097752-9

© Вербинина В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Валерия Вербинина

Снежная роза

Серия «Любовь, интрига, тайна»

© Вербинина В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Часть первая
Комиссар ведет следствие

Глава 1

Семья

– Господин граф, вас хочет видеть комиссар Буало.

Граф Робер де Круассе поднял голову от газеты, которую читал. Слуга, вошедший в гостиную, выглядел смущенным. Судя по всему, ему нечасто приходилось докладывать о приходе подобных посетителей.

– Хочет видеть? – с легкой усмешкой промолвил граф, складывая газету и бросая ее на стол. Слуга покраснел, осознав свой промах. – Ну что ж, пригласите его сюда, Виктор.

Слуга скрылся за дверью, и через несколько мгновений порог гостиной переступил невысокий и немолодой уже господин, куда больше смахивающий на почтенного буржуа, чем на полицейского. Костюм, запонки, часы на цепочке, идеально начищенные ботинки – еще немного, и вы бы окончательно утвердились в мысли, что перед вами какой-нибудь обеспеченный рантье, не имеющий в жизни особых хлопот, если бы не глаза. Вот они-то больше всего выдавали настоящую профессию посетителя. Ему оказалось достаточно одного беглого взгляда, чтобы охватить гостиную с ее великолепной старинной мебелью, изысканными коврами и портретом молодой женщины на стене. Если бы понадобилось, Буало легко мог бы впоследствии назвать, сколько ваз насчитывалось в комнате и какого оттенка были шторы на окнах, хотя, по правде говоря, куда больше его занимал хозяин дома. Граф был худым высоким блондином с острым лицом, серыми глазами и тонкими губами. С виду он куда больше походил на британца, чем на француза, и в самом деле, мать его являлась англичанкой. Также Буало знал, что графу сорок шесть лет, что он женат вторым браком и что его взрослую дочь зовут Раймонда.

– Прошу вас, присаживайтесь, господин... – граф сделал вид, что забыл фамилию посетителя. Также Буало не преминул отметить про себя, что, хотя хозяин дома и поднялся навстречу гостю, руку граф ему не подал.

– Комиссар Буало из уголовной полиции. Я пришел по поводу вашего зятя.

– Вы нашли Мориса?

– Пока еще нет. Я хотел бы просто задать несколько вопросов... без протокола, если вы не возражаете.

– Ну что ж, если это необходимо... Вы ведь с набережной Орфевр, не так ли? – Хозяин дома вернулся на свое место за столом, в то время как Буало удобно устроился в одном из мягких кресел со светлой обивкой. – Мне казалось, что делом занимается комиссар Гренье.

– Он заболел, – лаконично ответил гость. – Так что дело передали мне.

Граф нахмурился. Интересно бы знать, чем он недоволен, помыслил Буало. Не хочет вновь открывать постороннему лицу все семейные обстоятельства или есть что-то еще, что ему не нравится?

– Откровенно говоря, я не вижу, чем могу помочь вам, комиссар... Все, что знал, я уже рассказал вашему предшественнику. Мои показания должны быть в деле...

– Вы хорошо знали исчезнувшего Мориса де Фермона?

– Полагаю, что да, раз уж он был моим зятем, – ответил граф с легкой иронией, которую, впрочем, даже не считал нужным скрывать.

– Вы не возражали против его брака с вашей дочерью?

– С какой стати? Морис из прекрасной семьи, Раймонде он очень нравился.

– Их брак был безоблачным?

Серые глаза сузились – граф тотчас же учуял ловушку.

– Я полагаю, – проговорил он, более тщательно, чем обычно, подбирая слова, – лучше спросить об этом мою дочь. Со стороны...

Он не стал оканчивать фразу и лишь развел руками.

– Но ведь у вас наверняка было свое мнение? – настаивал Буало.

– Оно к делу не относится.

– Может быть, вы предоставите мне судить об этом?

Граф откинулся на спинку стула.

– Что, собственно, вы желаете услышать, господин комиссар? Раймонда сделала свой выбор и... и несла за него ответственность. Да, у Мориса были некоторые недостатки, которые... скажем так, осложняют семейную жизнь.

– Насколько осложняют?

Больше всего комиссару сейчас хотелось заставить своего собеседника отказаться от обтекаемых, полных намеков и в то же время пустых фраз; в глубине души Буало, может быть, даже рассчитывал на то, что граф взорвется. Когда допрашиваемый в гневе, становится видно его истинное лицо – точнее, одно из лиц, потому что комиссар по опыту знал, что каждый человек, в сущности, многолик, многогранен, непоследователен, нелогичен и при всем при том – верен себе.

– Бросьте, комиссар, – промолвил граф, усмехаясь. – Пари держу, что вам уже все известно.

А он вовсе не глуп, одобрительно подумал Буало. Тем лучше – было бы слишком утомительно иметь дело со спесивым аристократическим индюком, который больше всего печется о том, как бы чего не вышло.

– Он играл, – продолжал хозяин дома. – Крупье всех казино от Бадена до Биаррица знали его в лицо. Кроме того, Морис не пропускал ни одних скачек и делал крупные ставки. Наверное, в одном Лоншане¹ он просадил целое состояние... Ну и, наконец, женщины.

– Полагаю, у них есть имена? – осведомился Буало учтивейшим тоном.

Тонкие губы его собеседника сжались.

– Наверняка. Но я – последний человек, с которым Морис стал бы обсуждать свои похождения.

– И до вас не доходили, например, слухи...

Граф пожал плечами.

– Кажется, его пассии были далеки от светского общества. Статистки, неудачливые балерины, даже продавщицы.

– И ваша дочь вам никогда на него не жаловалась? Не называла никаких имен?

– Нет. Раймонда... Она предпочитала жаловаться матери, пока та была жива.

– Но не вам?

– Не мне. Она знала, что я не одобрял ее брак.

– Однако вы только что сказали, – не преминул подловить собеседника Буало, – что не были против.

– Какое это имеет значение! – с досадой промолвил граф. – Как будто мое мнение могло что-то изменить... Современные девушки никого не слушаются. Раймонда вбила себе в голову, что ей нужен именно Морис... Он сверкал, как фальшивый бриллиант, и совершенно сбил ее с толку. Я пытался убедить ее, говорил Элен, что из брака с де Фермоном не может выйти ничего хорошего. Его отец взял за женой чуть ли не миллион приданого и все пустил на ветер... Проиграл в карты и истратил на любовниц.

– Элен – это ваша первая жена, мать Раймонды?

– Да.

¹ Ипподром возле Парижа, пользовавшийся широкой популярностью.

Интересно, что скрывается за этим минимальным ответом – нежелание обсуждать свою личную жизнь или нежелание вообще вспоминать о том, что было в прошлом, до того как в жизни графа появилась другая женщина?

– А что ваша вторая жена думает о Морисе? – рискнул Буало.

– Наташа? – изумился граф. – Она-то тут при чем?

– Ну, она же была с ним знакома, разве не так? Насколько я помню, именно он привел ее в ваш дом.

И, напустив на себя самый что ни на есть простодушный вид, комиссар стал с любопытством ждать ответа.

– К счастью, – парировал граф, – у моей жены и моего зятя нет ничего общего. Да и привел ее не он, а кто-то другой.

– Арман Ланглуа?

– Может быть. Не помню.

По правде говоря, Буало слышал немного другую версию того, как вторая жена графа впервые появилась в его жизни, но предпочел сейчас не заострять на этом внимание.

– Скажите, господин граф, когда вы в последний раз видели вашего зятя живым?

– В пятницу, он заезжал ко мне с Раймондой и детьми. Я уже говорил комиссару Гренье... Когда же это было? Кажется, одиннадцатого числа...

– А через два дня мсье де Фермон уехал на машине и не вернулся домой. Что вы подумали, когда узнали, что он исчез?

– Боюсь, я не воспринял это всерьез, – буркнул граф, насупившись. – Я решил, что он у кого-то из своих любовниц.

– А теперь? Что вы думаете теперь, когда от него нет вестей уже больше недели?

Граф недобро взглянул на своего собеседника.

– Он не мог оставить мою дочь, – отчеканил он, дернув ртом. – Значит, с ним что-то случилось.

– Почему вы считаете, что он не мог...

– Бросьте, комиссар. Кто бы еще стал его терпеть и оплачивать все его прихоти?

Не в бровь, а в глаз, и без всяких недомолвок. Но хотя де Круассе временами и говорил с посетителем как с человеком, который может его понять, Буало не покидало чувство, что его собеседник многого недоговаривает.

– Получается, ваша дочь настолько богата?

– Ну, поскольку Морису до сих пор не удалось ее разорить... – граф усмехнулся и заговорил более серьезно: – Она получила хорошее приданое, кроме того, после смерти матери ей досталась значительная сумма.

– А ваша дочь не собиралась развестись?

– Раймонда? – поразился граф.

– Могло ли быть так, что они, к примеру, поссорились, ваша дочь поняла, что ее терпение истощилось, и объявила, что подает на развод?

– Я не слышал ни о чем подобном, – медленно проговорил собеседник комиссара. – Постойте, вы что же, думаете, что...

– Ну, предположим, ваш зять почувствовал, что жена намерена с ним расстаться, решил ее припугнуть и организовал свое исчезновение.

– Мне это даже в голову не приходило, – пробормотал хозяин дома. – Полагаете, он мог?..

– Бывали в нашей практике и такие случаи, – усмехнулся Буало. – Если смотреть на вещи с этой точки зрения, где ваш зять мог бы спрятаться?

– Пока моя дочь сходит с ума, пытаюсь его найти? Конечно, у какой-нибудь своей любовницы.

– А точнее? – Граф заколебался. – Послушайте, мсье де Круассе, если у вас есть какие-нибудь подозрения... версии... В конце концов, нам с вами гораздо легче обсуждать бурную жизнь мсье де Фермона. Я бы не хотел беспокоить вашу дочь... прекрасно понимая ее чувства...

– Я слышал, у него была какая-то постоянная подруга, – нехотя признался граф. – Зовут Симона, то ли бывшая певичка, то ли маникюрша... Словом, если вам это поможет...

– Симона – это имя? – Буало достал записную книжку, карандаш и быстро черкнул на странице несколько слов. – А фамилия?

Робер де Круассе вздернул плечи, показывая, что такие пустяки находятся вне сферы его внимания.

– Если вы правы и это розыгрыш, – неожиданно промолвил он сквозь зубы, – я... Я не знаю, что с ним сделаю.

А что вы можете сделать? – чуть не спросил Буало, но все же сдержался. Временами граф становился ему почти симпатичен. По крайней мере, ситуация отца, чья единственная дочь необдуманно вышла замуж за мота и ловеласа и теперь пожинала плоды, чисто по-человечески была вполне понятна.

– Скажите, господин граф, до того как я упомянул о розыгрыше, как вы объясняли себе случившееся?

– Может быть, авария? Но Раймонда упоминала, что вы уже проверили все больницы... – граф вздохнул. – Почему, собственно, вы спрашиваете? Мои предположения ничего не меняют, вы сами должны установить, что произошло с Морисом...

– Мсье де Фермон всегда сам водил машину?

– Одно время у него был шофер, но давно. Морис не хотел, чтобы у его поездок оставался свидетель. Шофер есть у моей дочери, но у нее другая машина.

– В окружении вашего зятя были какие-нибудь подозрительные личности? Такие, от которых можно ждать неприятностей?

– Он сам мог принести неприятности кому угодно, – желчно ответил граф. – Впрочем, я не так хорошо знаком с его окружением...

– Может быть, вам известны какие-то его враги, кто-то, кто мог желать ему зла?

Прежде чем ответить, Робер де Круассе почему-то в очередной раз поглядел на портрет красавицы в вечернем платье, висающий на стене. Во время беседы с комиссаром граф то и дело смотрел на картину, словно искал у нее поддержки.

– Я не думаю... Он многим был должен, но кредиторы обычно заинтересованы в том, чтобы должник был жив и здоров. Ведь мертвецы долгов не возвращают...

– Ему никто не угрожал? Может быть, он жаловался на кого-нибудь?

Граф вздохнул.

– Комиссар, мы с дочерью и ее мужем живем отдельно, понимаете? Разумеется, мы встречаемся время от времени, я захожу проведать внуков, но... У Раймонды своя жизнь, у Мориса – тоже. Я предпочитал не вмешиваться в их дела.

– Как полицейский, не могу не пожалеть об этом, – учтиво ввернул комиссар Буало.

– Почему? Вы же только что высказали версию, что с ним ничего не случилось и он лишь пытается разжалобить мою дочь. Или вы полагаете, что...

– Мы проверяем все версии, господин граф, – внушительно промолвил посетитель, поднимаясь с места. – Благодарю вас за то, что вы согласились уделить мне время. Вероятно, я еще приду, чтобы побеседовать с госпожой графиней... Чистая формальность, как вы понимаете...

Граф нахмурился, и Буало понял, что слова о формальности не смогли обмануть его собеседника.

– Боюсь, Наташа ничем не сможет вам помочь, – проговорил Робер де Круассе довольно резко. – И могу вас заверить, мсье комиссар, она совершенно точно не имеет к исчезновению моего зятя никакого отношения.

Буало не стал спорить, а лишь сослался на то, что он выполняет свой долг и вынужден опросить всех, кто знал Мориса. Учтиво попрощавшись с хозяином дома, комиссар вышел в переднюю и взял из рук горничной свой котелок. Слуга Виктор распахнул перед комиссаром дверь. Прежде чем удалиться, Буало зачем-то внимательно оглядел свою шляпу, словно опасаясь, что за время его отсутствия из нее могли вытащить подкладку.

– Здесь поблизости есть какое-нибудь приличное кафе? – спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Горничная напустила на себя неприступный вид, словно ей задали самый неприличный вопрос на свете. Ответил слуга:

– Если вы завернете на Анжуйскую улицу, там есть то, что вам нужно. Вывеска «У Доминика», только за прилавком сейчас не он стоит, а его жена. Белое у них неплохое, да и пиво тоже ничего.

– Ладно, раз уж советуешь, проверю, – пробормотал комиссар, надевая шляпу.

Он покинул дом на аристократической улице Сент-Оноре и через несколько минут неспешного хода свернул на Анжуйскую. Хозяйка кафе протирала прилавок, за ее спиной на полках соблазнительно мерцала батарея бутылок.

– Что вам налить?

– Белого вина.

В этот час почти все столики были пусты, кроме двух, и комиссар устроился в углу, подальше от посетителей. Вино, которое ему подали, и впрямь оказалось неплохим, и комиссар даже пожалел, что оно быстро кончилось. Чтобы убить время, Буало достал из кармана газету и притворился, что углубился в чтение. Гражданская война в Испании: в Толедо идут ожесточенные бои, женщины отказались покинуть осажденную крепость. Знаменитая комета Пелтье, которую в июле можно было разглядеть невооруженным глазом, потускнела и утратила свой хвост. В маленьком городке во время местного праздника в зал бросили бомбу, но один из присутствующих не растерялся и успел выкинуть ее в окно до того, как она взорвалась. Сообщение из Австрии: умерла в нищете бывшая эрцгерцогиня Габсбург-Лотарингская. Британский премьер-министр Иден и его французский коллега провели встречу, во время которой заложили основы для дальнейшего сотрудничества двух стран. Для тех, кому надоела политика, – пожалуйста, на странице также имеется длинная статья о том, что каникулы подошли к концу.

Впрочем, почти все новости, о которых сообщали сегодня, 21 сентября 1936 года, мало занимали Буало. Куда больше его интересовал вопрос, что могло случиться с его клиентом Морисом де Фермоном. Про себя комиссар привык называть потерпевшего жертвой, но в обществе малознакомых людей остерегался употреблять это слово.

Да и полно, был ли Морис де Фермон жертвой? Удачно окрутил богатую наследницу, женился на ее деньгах и как сыр в масле катался. Такие люди не имеют обыкновения плохо кончать, даже напротив – ухитряются наслаждаться жизнью даже тогда, когда...

Буало не стал додумывать свою мысль, потому что увидел снаружи человека, которого ждал. Немного запыхавшийся Виктор вошел в кафе и, отыскав взглядом комиссара, подошел к нему.

– Сядь, не мозоль глаза, – буркнул Буало, убирая газету. Исподлобья глядя на него, слуга боком опустился на стул напротив. – Ну что, поговорим?

Глава 2

Виктор

– Нам не о чем говорить, – пробормотал слуга.

– Раз ты примчался сюда, значит, есть о чем, – незамедлительно поставил его на место комиссар. – Интересно, а граф де Круассе в курсе твоих предыдущих подвигов на вилле той богатой американки, миссис Уорнер? Почему-то я думаю, что нет.

Виктор пытался храбриться, но выходило это у него плохо. На вид ему было лет тридцать пять или около того, и в его внешности не имелось ни одной черты, за которую мог бы зацепиться романист, привыкший писать своих героев широкими мазками. Ну, среднего роста, брюнет, гладко выбрит, с незапоминающимся лицом – одним словом, человек из толпы, а отсюда уже один шаг до вывода, что перед вами пустое место. Впрочем, комиссар Буало не имел привычки торопиться с выводами.

– Комиссар, я не брал ее чертово ожерелье... Вы же знаете, что она потеряла его в собственном доме! И его в конце концов нашли...

– Угу, нашли в том месте, которое я до того проверял, и никакого ожерелья там не было, – желчно усмехнулся комиссар, сощурившись. – Ты решил обокрасть старую даму, один или со второй горничной, плутовкой с голубыми глазками. А потом испугался, потому что пропажу слишком быстро обнаружили, и дал задний ход.

Виктор помрачнел. Руки его, лежащие на столе, дернулись так, словно он хотел сжать кулаки.

– Все эта проклятая старуха! – выпалил он злобным шепотом. – Она нарочно разбрасывала везде свои украшения... Нарочно говорила, что не помнит, где что лежит... Она просто издевалась над нами!

– И ты повелся?

Виктор опомнился, судорожно сглотнул.

– Не понимаю, к чему вы клоните, комиссар... Я уже говорил вам, что ничего не брал.

– Думаешь, граф тебе поверит, если я расскажу ему насчет миссис Уорнер?

Слуга не отвечал. По выражению его лица комиссар понял, что Виктор загнан в угол, и решил немного ослабить хватку:

– Впрочем, графу вовсе не обязательно знать про ожерелье, и я промолчу, если ты мне кое-что расскажешь.

– О мсье де Фермоне?

– Нет. О твоём хозяине.

Виктор явно удивился.

– Что он вообще за человек? – продолжал Буало. – Давай, Виктор. Я же знаю, что слугам все известно о тех, кто платит им жалованье. Все-все.

– Что, собственно, вас интересует? – сдался Виктор.

– Ну, допустим, какие у него были отношения с зятем?

– Плохие. Граф терпеть его не мог.

– Из-за того, что Морис дурно обращался с его дочерью?

– Нет. То есть да, и поэтому тоже. Но больше всего графу не нравилось, что Морис пытался вытягивать из него деньги. Вы, конечно, знаете, что месье жил на широкую ногу. Какое-то время состояния жены хватало, чтобы покрывать его увлечения, но потом начались трудности. Он послал жену к графу, чтобы она попросила у отца денег.

– И она на это пошла?

– Пошла, конечно. Он из нее веревки вил. Но граф – крепкий орешек. Денег не дал и указал дочери на дверь.

– Вот так, запросто?

– Ну да. Он и дочь не жаловал, если уж на то пошло.

– Почему?

– Она всегда держала сторону матери.

– Первой жены графа?

– Угу. Он женился молодым, еще до войны. Мадам Элен родила одного ребенка и решила, что с нее хватит. Потом граф ушел на войну – то есть тогда у него еще не было титула, это я его так называю. В его отсутствие супруга стала жить в свое удовольствие. И когда он вернулся, это мало что изменило.

– А где именно он воевал?

– Ну, я тогда у него не служил, знаю только в общих чертах. В штабе он не отсиживался, это точно. У него и награды какие-то есть, но он их никогда не носит. Да, вот что я вспомнил: в штабе оказался его старший брат Шарль, который должен был унаследовать титул, а Робер попал на передовую. Только вот Шарль погиб при авианалете бошей², а младший брат отделался в боях легким ранением или контузией, не помню точно... Трусом он не был, это все говорят. Через несколько лет после того, как война кончилась, старый граф умер, и мсье Робер оказался единственным наследником.

– Он разъехался с женой?

– Нет, они продолжали жить в одном доме. Говорят, на этом настояла мадам Элен. Ей нравилось быть графиней, хотя, конечно, она уверяла, что думает не о себе, а только о дочери. Надо отдать мадам должное – она умела соблюдать внешние приличия и любовников своих не афишировала. Кстати, знаете, что граф сделал, когда она умерла? На похоронах подошел к ее последнему поклоннику и с одного удара сломал ему челюсть. Все были шокированы – он казался таким... таким...

– Сдержанным? – подсказал Буало, припоминая замкнутое лицо графа, сосредоточенный взгляд светлых глаз и тонкие губы, стянутые в нить.

– Это для меня слишком мудреное слово, мсье комиссар. Во всяком случае, никто от него не ожидал ничего подобного.

– Он так любил свою жену?

– Мадам Элен? Ну...

За последним коротеньким словом стояла сложная смесь чувств – сомнение, удивление, вопрос, обращенный в прошлое – а впрямь, любил ли?

– Нет, конечно, – сам себе ответил Виктор. – То есть... я хочу сказать... тут уж не в любви дело, наверное, а в привычке. В молодости, надо думать, он ее любил. Потом, после войны, да еще когда узнал о ее изменах... Ну, вы сами понимаете. И все-таки после ее смерти он себе места не находил. Я тогда первый раз видел его пьяным в стельку, он сидел за столом с остекленевшим взглядом, а потом его стошнило.

– А потом, – с невинным видом вставил комиссар, – он женился во второй раз.

– Никто из нас этого не ждал, – сокрушенно промолвил Виктор. – Почти никто. Только Антуанетта – горничная мадам Элен – заявила: «Вот увидите, у нас скоро будет новая хозяйка, мсье сбрил усы и ходил к парикмахеру, чтобы закрасить седину». Но мы почему-то были уверены, что жениться на мадам Биссон он не осмелится, а кроме нее, мы ни о ком не слышали.

– Мадам Биссон?

– Это его многолетняя любовница.

Черт возьми, Виктор, мысленно развеселился Буало, да ты прямо клад! Всю подноготную этой любопытной семейки подносишь на блюдечке. Само собой, внешне он ничем не выдал, что о существовании любовницы графа слышит впервые.

² Прозвище немцев в Первую мировую войну.

– Ей уже лет тридцать восемь, и она живет на бульваре Капуцинов, – сдал мадам Биссон с потрохами всезнающий Виктор. – Говорят, что она вдова какого-то лейтенанта, но, как по мне, на вдову она не слишком похожа. Ее сестра заведует шляпным магазином, а брат торгует винами. Антуанетта уверяла, что и шляпный магазин, и винный на самом деле принадлежат мадам Биссон. Наверное, она права. Женщины в этих делах хорошо разбираются.

– В каких таких делах, голова?

– Денежных.

– Получается, она вытянула из графа столько, что хватило аж на два магазина?

– А вот считайте сами. Он познакомился с ней после войны, году в двадцать втором или двадцать третьем. Получается, вместе они жили лет четырнадцать или чуть меньше. Не так уж много она от него получила. Да и то, не тот он человек, чтобы деньгами сорить. Хотя...

– Да?

– Ну, вот для второй жены он ничего не жалеет. Чуть ли не каждый день дарит ей украшения, машину купил, квартиру на Елисейских Полях для ее родителей. С мадам Элен ругался из-за каждого счета от портнихи, а этой – любой наряд, любой каприз, пожалуйста. Как-то она сидит и говорит: ой, что-то мне захотелось увидеть Венецию, я никогда там не была. И что же вы думаете – граф тотчас отдал распоряжения, в тот же день собрали чемоданы и поехали.

– Его нынешняя жена – русская?

– Да, ее родители бежали от революции. Мать здесь была мелкой служащей, а дочь снималась для модных журналов. Ну и... доснималась до титула графини.

– Как именно граф с ней познакомился?

– У него замок недалеко от Руана, куда иногда приезжала и семья дочери. Однажды Морис притащил на партию в теннис целую компанию, включая Армана Ланглуа. А вместе с Арманом прибыла и эта девица.

– Морис дружил с Арманом Ланглуа?

– Откуда мне знать, мсье? Вы у самого Ланглуа спросите.

– Спросил бы, – усмехнулся Буало, – да только он сейчас в Индокитае³.

В глазах слуги мелькнул колющий огонек, и комиссар тотчас сообразил, что допустил промах.

– Уже вернулся, – хмыкнул Виктор. – Говорят, семья отправила его в Индокитай, чтобы он на месте проверил их управляющего, не ворует ли он. Только на самом деле это был предлог, чтобы убрать Армана из Парижа, подальше от его подружки.

– Вот как?

– Да, он был серьезно настроен, чуть ли не жениться хотел.

– На Наташе?

– Ну я же вам говорю.

– А семья Армана была против?

– Конечно. Какая из нее невеста? За душой ни гроша, родители – беженцы, да еще для журналов снимается. Мать Армана ей все высказала, когда сын уехал. Мол, не надейтесь с нами породниться, не получится.

– Однако мадемуазель быстро нашла жениху замену, – хмыкнул комиссар, иронически шурясь.

– Вот это-то и есть самое странное. Потому что слуги из замка, с которыми я говорил, в один голос уверяли, что она на мсье графа даже внимания не обращала. Да и тут, в Париже, я ее не видел. Представляете, однажды хозяин возвращается из Руана вместе с ней и объявляет, что вчера расписался в местной мэрии. Он, видите ли, нарочно женился в провинции, чтобы было меньше шума.

³ Одна из колоний Франции в то время (на территории современного Вьетнама).

- И что, его дочь не знала?..
- Даже не подозревала. Он поставил ее перед фактом.
- И как она это восприняла?
- Ее мать умерла совсем недавно. Что мадам Раймонда должна была подумать, по-вашему? Тем более что мачехе всего двадцать два, она на три года моложе падчерицы.
- А де Фермон?
- Что – де Фермон? – не понял Виктор.
- Как он отнесся к неожиданному браку своего тестя?
- Трудно сказать, мсье комиссар. По-моему, его восхитила ловкость его знакомой, и в то же время он был смущен, что жена открыто выразила... ну... что ей все это не по душе.
- Мадам Раймонда что, устроила отцу скандал?
- Нет, но и без всякого скандала дала понять, что о нем думает. А он ей ответил, что его личная жизнь ее не касается и что, раз уж он в свое время позволил ей выбрать мужа по своему вкусу, он тоже вправе выбрать жену по своему вкусу.
- Что ж, это замечание было вполне в духе графа, и Буало готов был поклясться, что Робер де Круассе позаботился вложить в свои слова весь сарказм, который достался ему от британских предков.
- До открытой ссоры дело не дошло, – продолжал Виктор, – но только потому, что граф живет отдельно от дочери. Мадам Раймонда потребовала украшения своей матери, но граф их не отдал, сославшись на то, что по брачному контракту они принадлежат ему. Потом графиня упростила мужа уступить, чтобы не накалять обстановку в семье, но мадам Раймонда, по-моему, только возненавидела ее еще пуще за эту услугу.
- Значит, по-твоему, нынешняя графиня – ловкая особа?
- Когда я это сказал?
- Ну, ты недавно упоминал о ее ловкости.
- Ну а вы бы что решили? Только вчера была Золушкой, а сегодня уже графиня. В нашей жизни нужно что-то понадежнее феи-крестной, чтобы осуществить такое превращение. Цепкость, хитрость, да и много чего еще. Только у меня было достаточно времени, чтобы к ней присмотреться. Не такая она совсем.
- А какая?
- Простушка. Вся душа нараспашку. Если хохочет, то на весь дом. Если плачет, то слезы градом. Я раньше думал, что она подлаживается под мужа, который с ней обращается как с балованным ребенком. Но нет, она и впрямь такая.
- Похожа на его первую жену?
- Ничего общего, и с мадам Биссон тоже, – не колеблясь, ответил слуга. – Мсье граф с ней очень переменялся – я о его нынешней супруге, само собой. Раньше был сухарь сухарем, а сейчас прямо-таки расцвел. На глазах помолодел.
- Поздняя любовь?
- Наверное. Я вообще не подозревал, что он кого-то способен любить. Интересно, знает ли он, что Ланглуа вернулся в Париж.
- А что, у графа есть повод для беспокойства?
- Виктор поглядел на комиссара со странным выражением.
- Конечно, он забросал жену деньгами и старается во всем ей угодить, но... Ясно же как день, кто в этой паре любит, а кто позволяет себя любить. Только граф – совсем не дурак, и он сразу же догадается, если его начнут обманывать.
- Скажи-ка, Виктор, а как твой хозяин отреагировал, когда узнал, что его зять исчез? Раз он, как ты говоришь, совсем не дурак, должны у него быть кое-какие соображения.
- Граф сказал: «Надеюсь, он больше никогда меня не побеспокоит». Судя по его виду, он и впрямь не огорчился бы, если б с мсье Морисом что-нибудь случилось.

– А графиня? Что она об этом думает?

– Она расстроилась, но она вообще легко расстраивается из-за чужих невзгод. Точно так же она переживала, когда погиб доктор Гишар, хотя едва его знала.

– Что за доктор Гишар?

– Семейный врач господина графа.

– А что-нибудь конкретное графиня говорила? Насчет исчезновения мсье де Фермона?

– Она думала, он мог попасть в аварию. Он любил полихачить.

– А что насчет этой, как ее, Симоны? Подружки Мориса? Ее имя упоминалось?

– Графиня ей позвонила, но никто не поднял трубку.

Ух ты, как интересно! Значит, у графини был телефон любовницы Мориса. Почему? Люди не дают номера своих телефонов кому попало.

– Напомни-ка мне, как зовут Симону и где она живет, – проговорил комиссар, доставая записную книжку.

– Симона – это прозвище, а так ее зовут Франсуаза. Франсуаза Дюфур. Живет где-то на Монмартре, точнее, жила, потому что Морис устроил ее на бульваре Османа. Учтите, все это я слышал от горничной Антуанетты, поэтому могу в чем-то ошибаться. Антуанетта в курсе всего, что касается семьи графа, а я так глубоко не вникал.

– Что еще твоя подружка говорила о Симоне – пардон, Франсуазе Дюфур?

– Что она работала манекенщицей, потом стала рисовать эскизы сумок для какого-то модного дома.

Однако! Вот вам и то, что может связывать графиню с любовницей Мориса: обе были причастны к миру моды. Кстати, почему граф сказал, что Симона то ли певичка, то ли маникюрша? Если она была знакома с его женой, вряд ли он не знал, чем любовница Мориса на самом деле занимается.

– До нее мсье де Фермон менял женщин как перчатки, – продолжал Виктор. – С ней не то чтобы образумился, но... Антуанетта уверяла, что Симона даже заставила его отказаться от карт, но не от скачек.

Допросить бы эту Антуанетту, хмуро подумал комиссар. Ведь она наверняка знает больше того, что выболтала Виктору. Только как ее разговорить? Если она дорожит своим местом – а ведь наверняка дорожит, – с полицией она сотрудничать не захочет.

Вслух, впрочем, он спросил:

– Раз уж твоя Антуанетта в курсе всего, что творится в семействе графа, что она сама думает об исчезновении Мориса?

– Она уверена, что с ним случилось что-то ужасное, – сказал Виктор. – Антуанетта говорит, что он не любил мадам Раймонду, но детей обожал. Он бы никогда их не бросил.

– Ах да, у него же близнецы, которые приходятся графу внуками, – пробормотал Буало, закрывая записную книжку. – Я не предложил тебе выпить, но ты сам заказывай, не стесняйся. И кстати, ты был прав насчет белого – оно тут очень даже ничего.

Глава 3

Следователь

– Добрый день, мсье Буало! Слышали о Гренье? Говорят, он сломал себе ногу...

– Я знаю, – ответил комиссар коллеге, который подошел к нему в коридоре дворца правосудия. – Говорят, перелом скверный, неизвестно, сколько Гренье будет отсутствовать. На меня как раз перекинули несколько его дел...

– Ничего нет хуже, чем закрывать чужие дела, – вздохнул коллега и, попрощавшись с Буало, отправился к себе.

Комиссар терпеть не мог, когда ему назидательным тоном излагали прописные истины, и оттого его настроение разом ухудшилось. Насупившись, он двинулся к своему кабинету. Коридор жил обычной жизнью. Множество посетителей, для которых никогда не хватает находящихся тут красных диванчиков, пара непременных репортеров, чем-то неуловимо смахивающих на собак, которые принимают к крови, уголовного вида тип в наручниках, которого куда-то ведут, еще один в наручниках, чистенький и смирный, с физиономией маменькиного сынка. За одной из притворенных дверей громко плачет женщина, и, проходя мимо, Буало безошибочно определяет на слух, что плач фальшивый.

– Это он! – внезапно визжит какая-то потасканная девица, взмывая с дивана, и, подскочив к маменькиному сынку, пытается вцепиться ногтями ему в физиономию. Ее оттаскивают, сынок истошно, по-бабьи визжит, девица орет благим матом и вырывается, а Буало, даже не досмотрев, чем все кончилось, отпирает свой кабинет и закрывает за собой дверь.

Иногда, черт побери, даже полицейскому нужен отдых от материала, с которым приходится иметь дело.

Комиссар снял шляпу, расстегнул пиджак и ослабил воротничок. Узкий, как пенал, кабинет имел до оторопи казенный вид, который приводил в отчаяние мадам Буало. Заглянув как-то к мужу на работу, она оказалась под сильным впечатлением и не нашла ничего лучше, как предложить поставить на окно фиалки, чтобы они хоть как-то украсили помещение.

– Они завянут, – коротко ответил комиссар, не уточняя, от чего именно.

Его самого все устраивало, точнее, он привык к окружающей обстановке и не замечал ее недостатков. Серые стены, стол с телефоном, пишущей машинкой и лампой, которая шурится из-под оранжевого абажура, сейф, несколько стульев, умывальник в углу, крючки для верхней одежды – ничего лишнего, все на своем месте.

Комиссар сел за стол, достал из сейфа зеленую папку с делом Мориса де Фермона, хмурясь, просмотрел содержащиеся в ней бумаги и снял трубку телефона.

– Лебре? Зайди ко мне.

Через минуту в дверь протиснулся мускулистый брюнет с тяжелой нижней челюстью. Судя по форме его носа, он когда-то занимался боксом, а может быть, до сих пор его практиковал.

– Слышали, патрон? Психа того поймали, – сообщил Лебре, осклабившись. – Который проституток резал на куски. Подружка одной из жертв его опознала...

«А, вот что, значит, только что было в коридоре», – подумал Буало. Но вслух спросил совсем о другом:

– Я тебе поручил навести справки об Армане Ланглуа, помнишь?

Лебре закручинился. Он попал в уголовную полицию не так давно, а работать начинал в обыкновенном комиссариате, так сказать, «на земле» – в районе, где то и дело приходилось задерживать приезжих марсельских бандитов. Работать с ними приходилось главным образом с помощью кулаков, выколачивая нужные сведения в самом что ни на есть буквальном смысле. Оказавшись в уголовной полиции на набережной Орфевр, инспектор Лебре перестраивался с

трудом. Он до сих пор куда лучше справлялся с непрерывным десятичасовым допросом подозреваемого, чем с наведением простейших справок, о которых его просил Буало.

– Какого черта ты не сказал мне, что он уже вернулся из Индокитая? – сердито спросил комиссар.

– Но он должен был вернуться только к Рождеству... – пробормотал сконфуженный инспектор и угас.

– Мне нужно точно знать, когда именно он приехал в Париж и где находится сейчас, – сказал Буало.

– Думаете, он может быть причастен к исчезновению де Фермона? – рискнул спросить Лебре.

– Черт его знает, – буркнул комиссар. – Гренье нашел свидетеля, некоего Люсьена Пейронне, который видел графиню де Круассе с Морисом, и они оживленно о чем-то беседовали. Это было двенадцатого числа, а тринадцатого Морис бесследно исчез. Сегодня я хотел поговорить с графиней, но ее не оказалось дома. Пришлось пообщаться с ее мужем...

– Думаете, она наставляла графу рога с его зятем?

– Я уже навел справки в отделе гостиниц. Нет, после своего замужества мадам нигде не регистрировалась – и де Фермон, кстати, тоже. Что, конечно, не исключает того, что они могли, к примеру, встречаться на частной квартире.

Отдел гостиниц и меблированных комнат, который также находился во дворце правосудия, занимался сбором данных обо всех постояльцах, и мало кто мог ускользнуть от его всевидящего ока.

– Зачем он ей? – неожиданно бухнул Лебре.

– Кто?

– Да Морис де Фермон. Муж дал ей титул, деньги, все, что она хотела. А его зять, по сути, обычный неудачник. Для чего с ним связываться?

– Ну мало ли, – ответил комиссар, усмехаясь. – Ладно, сегодня должны доставить машину и привезти бродягу, который сидел за рулем. Может быть, что-то и прояснится.

Он обсудил с инспектором другие текущие дела (один комиссар всегда ведет несколько расследований) и отпустил его, после чего сделал десяток звонков, которые позволили уточнить местожительство и кое-какие подробности о мадам Биссон, бывшей любовнице графа, и Франсуазе Дюфур по прозвищу Симона, пассии исчезнувшего плейбоя. О первой не удалось обнаружить ничего криминального, кроме того, что она время от времени встречалась в номерах то с одним, то с другим молодым человеком, а вот следы второй нашлись в отделе борьбы с наркотиками.

Вздыхнув, комиссар Буало вытащил из нижнего ящика стола блокнот большого формата, весь испещренный какими-то схемами, рисунками и записями, сделанными размашистыми каракулями с множеством сокращений, из-за чего они становились похожими на иероглифы. Открыв чистую страницу, комиссар подумал и написал:

Морис де Фермон

Исчез 13.09.1936

Жена Раймонда, двое детей

Тесть – граф де Круассе. Неприязнь.

Наташа, вторая жена графа. Прояснить характер отношений

Арман Ланглуа – приятель

Франсуаза Дюфур по прозв. Симона. Люб-ца Мориса. Наркоманка, лечилась, больше трех лет не употребляет наркотики

Мадам Биссон, бывшая люб. графа. Может что-то знать

На столе зазвонил телефон. Комиссар снял трубку свободной рукой.

– Комиссар Буало слушает.

– Это следователь Тардье, комиссар. Вас не затруднит заглянуть ко мне? Я хотел бы обсудить... кое-что.

– Я могу зайти прямо сейчас, – сказал Буало.

– Вы премного меня обяжете, – поспешно ответил собеседник.

Повесив трубку, комиссар убрал блокнот в ящик стола, запер его на ключ, поправил воротничок и застегнул пиджак, после чего тщательно запер дверь. Он миновал коридор, по-прежнему полный народу, дружески кивнул консьержу в стеклянной клетке, который пропускал посетителей на этаж, и сложным путем – по лестницам, переходам и служебным входам – добрался до крыла, в котором заседали сотрудники прокуратуры. В их число входил и следователь Тардье, который только что ему звонил.

Если комиссар Буало состоял преимущественно из округлых линий, имел небольшое брюшко, и даже плешь на его макушке образовывала безупречный овал, то следователь Тардье явно предпочитал линии прямые. Он был худощав, с русыми волосами, расчесанными на безупречный пробор, с тонкой шеей, мелкими чертами лица и имел чрезвычайно интеллигентный вид. Очки, которые он носил, его старили, но когда он их снимал, становилось понятно, что перед вами молодой человек и ему на самом деле не больше тридцати лет. Впервые столкнувшись с Тардье по работе, Буало решил, что тот пуглив как серна, неопытен и вообще на него нельзя положиться. В какой-то момент мнение пришлось менять на «а он вовсе не так уж глуп, скорее наоборот».

Что именно думал сам Тардье о комиссаре, осталось тайной, потому что следователь был человек абсолютно замкнутый, что называется, застегнутый на все пуговицы, и своими мыслями предпочитал ни с кем не делиться – если, конечно, этого не требовалось по работе.

– Я вызвал вас, – после дежурных приветствий негромко и обстоятельно, как всегда, заговорил следователь, – чтобы узнать, как продвигается следствие по делу де Фермона. Его жена звонит мне по несколько раз в день, и я хотел бы знать... э... можем ли мы сообщить ей что-то определенное.

– Определенное? Пожалуйста. Мы до сих пор не знаем, куда Морис поехал тринадцатого числа. Его жена уверяет, что ей ничего не известно. Проверки больниц, а также проверки по линии отдела гостиниц ничего не дали. Гренье говорил с осведомителями, но они только разводят руками. Я принял дело, но пока успел лишь пообщаться с графом де Круассе...

– Вы сказали ему, что машина его зятя нашлась?

– Нет.

– Почему?

Вместо ответа Буало лишь повел плечами. Тардье снял очки и неторопливо принялся растирать переносицу.

– Машина была объявлена в розыск, и ее в конце концов нашли в Ницце. Нашли и человека, который сидел за рулем. Судя по отпечаткам пальцев, это Жюльен Робишо, который раньше задерживался за бродяжничество в Париже и других местах. В момент задержания на Робишо была новая одежда, и он собирался купить себе часы. При обыске у Робишо обнаружили портмоне, полное денег. Я затребовал к нам и машину, и задержанного. На первый взгляд все выглядит так, что бродяга убил де Фермона, после чего забрал его машину и кошелек. Но...

– Но? – подхватил следователь, внимательно глядя на собеседника.

– Пока я сам не допросил арестованного, и пока наши эксперты не изучили машину де Фермона, я, с вашего позволения, воздержусь от категоричных утверждений. Кроме того, есть еще одно обстоятельство, которое нуждается в проверке. Похоже, что любовница Мориса исчезла.

– Любопытно, – прокомментировал Тардье.

– Не то слово. Вы ведь не хуже моего знаете, что таких совпадений просто не бывает.

Беседу прервал телефон, который неожиданно разразился длинной пронзительной трелью.

– Это опять она, – усмехнулся следователь, кивком указывая на аппарат.

– Мадам де Фермон? А...

Буало хотел спросить: «А откуда вы знаете, вы ведь даже не снимали трубку». Следователь покосился на комиссара, и в его глазах неожиданно сверкнули иронические искорки, которых Буало от него никак не ждал.

– Я всегда знаю, кто мне звонит, – сообщил Тардье. – Чувствую. А вы?

– Я... м-м...

Комиссар Буало на дух не переносил мистики, равно как и всего, что на нее смахивало. Трупы, улики и подозреваемые – штука материальная, а все прочее – выдумки романистов. Он считал следователя Тардье человеком вполне надежным, хоть и скучным, как расписание поездов, и то, что тот будто бы мог знать, не поднимая трубки, кто ему звонит, ставило Буало в неловкое положение.

Должно быть, на лице комиссара отразилось больше, чем следовало, потому что следователь усмехнулся краем рта и резким движением сдернул трубку с рычага.

– Алло! Да, мадам де Фермон... Нет, пока ничего нового. А, вам уже сообщили? Да, дело теперь ведет другой... Вы можете не беспокоиться, комиссар Буало – один из лучших в уголовной полиции... Разумеется, мы вам сообщим. Да, мадам. Конечно, мадам... Всего доброго.

Он повесил трубку, надел очки и с невинным видом воззрился на комиссара, который не знал, что и сказать.

– Пресса вам еще не докучает? – спросил следователь.

– Пока нет. Гренье умеет держать язык за зубами, как и я. Инспекторов я тоже попросил не болтать лишнего.

– Комиссар Гренье, вероятно, вам рассказал, как он пытался допросить мадам де Фермон, – усмехнулся Тардье. – По его словам, это худший тип свидетеля, который многое знает, но упорно не хочет ничего говорить, потому что пойдут слухи, будет затронута честь семьи, из шкафов вывалятся скелеты, о которых все и так в курсе, и прочее. Боюсь, что вам все-таки придется с ней побеседовать, иначе она замучит наше начальство жалобами.

– По словам Гренье, – не удержался комиссар, – дама больше всего боится, как бы ее муж не сбежал с другой. Прямо она этого не высказала, но по ее поведению и отдельным репликам он сделал именно такой вывод. Гренье даже посылал запросы на вокзалы и в аэропорты, не покинул ли де Фермон страну.

– Я немного знал этого господина, – задумчиво сказал Тардье. – Строго между нами, комиссар: он бы с легкостью бросил Раймонду, но только если бы его новая жена была богаче, моложе и родовитее. Разумеется, это лишь мое частное мнение, и вы вовсе не обязаны принимать его во внимание.

– Однако желающих стать второй мадам де Фермон не находилось? – спросил комиссар, которого заинтересовало замечание собеседника.

– Разумеется, нет. В тех кругах, в которых он вращался, все знали ему цену. Даже если бы Раймонда каким-то образом исчезла, максимум, на что он мог рассчитывать, – мезальянс наподобие того, на который пошел его тесть. Но Морис не из тех, кто идет на мезальянсы.

Тут следователю снова позвонили, он коротко переговорил по телефону и извинился перед Буало, что ему надо работать. Комиссар попрощался с Тардье и ушел.

Глава 4

Женщины

Элегантный открытый автомобиль лихо подкатил к дому и остановился. Прежде чем Виктор успел выйти и распахнуть дверцу, юная красавица, сидевшая в машине, выбралась наружу, подхватила белого котенка, который находился на пассажирском сиденье, и поспешила к входу.

– Ах! Мадам! Да кто же это с вами? – умилилась Антуанетта, открывая дверь.

– Выполз на дорогу, дурачок, – объяснила красавица, поудобнее перехватывая котенка, – совсем маленький! Это же ужасно. Я еле успела затормозить! Говорю ему: ну зачем, зачем ты полез на дорогу? А он только «мяу» может сказать в ответ...

Она говорила, смеялась, тормошила котенка, глаза ее сияли, и вся она была такая лучезарная, такая порывистая, что горничная, глядя на нее, тоже невольно заулыбалась.

– Но, мадам, он ведь может быть больной... – попыталась Антуанетта вернуть хозяйку на землю. – И потом, господин граф считает, что в городском доме животным не место.

– У нас же есть молоко? Конечно, есть! – сама себе ответила дама с котенком, едва слушая горничную. – Вот что: накорми его... и позови ветеринара. Пусть, в самом деле, его осмотрит. Как же тебя назвать? – спросила она у котенка, хмуря тонкие дуги бровей. – Ну, ничего, потом придумаю...

Тут Антуанетта вспомнила кое-что, о чем, по правде говоря, следовало бы сообщить раньше.

– У нас мадам де Фермон, – сообщила она, понизив голос.

Графиня Натали де Круассе – для близких просто Наташа – сразу же перестала улыбаться, словно повеяло чем-то затхлым. Машинальным движением она передала котенка горничной и принялась медленно стягивать перчатки.

– А с утра был полицейский, – добавила Антуанетта. – Другой, не тот, что приходил раньше.

– Его нашли? – спросила Наташа рассеянно.

Вопрос прозвучал странно, и тем не менее горничная его поняла.

– Нет. Ищут.

«Поднимусь к себе, пусть она выговорится и уйдет, – подумала Наташа; но уже в следующее мгновение ее охватило раздражение. – Почему я должна прятаться от кого-то в собственном доме? В конце концов, я не виновата, что ее муж решил прокатиться с Симоной в Бельгию или куда-нибудь еще...»

Когда она вошла в гостиную, граф разговаривал с Раймондой, но, оборвав себя на полуслове, повернул голову к дверям. По его лицу Наташа поняла, что он рад ее появлению, потому что беседа, скорее всего, выдалась не из легких.

Что касается Раймонды, то она смотрела на Наташу с той смесью настороженности и недоброжелательности, которые одна женщина всегда держит наготове для другой, во всем ее превосходящей. Внешне Раймонда вроде бы мало походила на хозяйина дома – разве что тонким хрящеватым носом, очертаниями рта и маленькими ушами, плотно прижатыми к голове, – но, когда они с графом находились в одной комнате, мало кто мог усомниться, что перед ним именно отец и дочь. Она была шатенка, узкоплечая, с карими глазами; несмотря на молодость, казалась какой-то сухой, и красивой ее мог назвать только беспардонный льстец. Тот же льстец, чтобы угодить Раймонде, мог объявить, что в Наташе нет ничего особенного – подумаешь, ресницы в полщеки, вздернутый носик и рот сердечком, однако от нее словно шла волна света – того особенного сияния, которое излучают только очень юные, беззаботные и счастливые

существа. На ней был белый костюм с черным орнаментом, на светло-русых волосах красовалась шляпка причудливой формы, о которой Наташа вспомнила только сейчас.

«Надо было снять ее раньше...»

– Я вам не помешаю? – выпалила она. – Здравствуйте, мадам, – это падчерице.

Сознательно или бессознательно, но для визита к отцу Раймонда выбрала темное платье с широким поясом, которое не то чтобы наводило на мысли о трауре, но, во всяком случае, выглядело невесело. «Полутраур, – мелькнуло в голове у Наташи, – так, на всякий случай».

– Мы говорили о Морисе, – сообщил граф.

– А!

Восклицание прозвучало нелепо, она сама это поняла. О чем еще, в сущности, мог говорить ее муж со своей единственной дочерью? В нынешних обстоятельствах у них могла быть только одна важная тема.

– Ничего нового, кроме того, что дело теперь ведет другой полицейский, – продолжал Робер де Круассе. – Он произвел на меня впечатление очень энергичного человека и... кажется, мы можем надеяться на благоприятное разрешение дела.

– Он будет меня допрашивать? – вскинулась Раймонда. – Я не хочу, чтобы меня допрашивали. Эти полицейские задают просто возмутительные вопросы!

– А вам есть что скрывать?

Едва задав вопрос, Наташа уже пожалела о нем, и в то же время ей было приятно подпустить падчерице шпильку. Раймонда поджала губы – точь-в-точь как ее отец, когда бывал не в духе.

– Мне абсолютно нечего скрывать, – ответила она ледяным тоном. – Но, согласитесь, трудно сохранять спокойствие, когда... когда начинают говорить о... о том, что Морис мог встречаться с другими женщинами, – наконец выдавила из себя Раймонда. – У полицейских нет никакого такта, никакого уважения к частной жизни!

Наташа положила на столик перчатки, сняла шляпку и повернулась к мужу.

– Я привезла котенка, – сообщила она беспечным тоном.

– У нас уже есть десерт, – отозвался граф с невозмутимым видом.

Жена в негодовании сверкнула на него глазами. Она знала, что Робер мухи не обидит, но такие крайние проявления черного юмора выводили ее из себя.

– Я не могла бросить его посреди дороги! Его бы задавили...

– И тебе обязательно нужно было его спасти? Он будет везде гадить, начнет грызть мои книги...

– Кажется, кошки не грызут книги, – возразила Наташа, сомневаясь. – И потом, ты же все равно их уже прочитал...

– Ну, знаешь ли!

Граф сделал вид, что обиделся.

– Он совсем крошечный, – продолжала Наташа, подходя к мужу ближе, и, забывшись, села на подлокотник его кресла. Раймонда, видя такое вопиющее нарушение приличий, с достоинством вскинула подбородок и сделала вид, что смотрит в сторону. – Пусть он останется? Он такой смешной – я думала назвать его Снежком, потому что он совсем белый...

Раймонде очень хотелось, чтобы отец проявил характер и холодно ответил: «В городе – никакой живности, от нее только грязь, блохи и глисты». Так он из духа противоречия всегда говорил ее матери, которая обожала небольших собак, и сумел-таки настоять на своем. Но, судя по всему, правила, действовавшие в доме при первой графине де Круассе, на вторую не распространялись, потому что граф с улыбкой сказал:

– Ну, если тебя это развлечет...

Постучав, вошел Виктор и доложил о каком-то срочном и важном звонке. Граф посерьезнел и, попросив у дам прощения, вышел, чтобы поговорить из кабинета.

После его ухода в гостиной дохнуло арктическими льдами. Наташа не знала, о чем можно говорить с Раймондой, и потому предпочла хранить молчание; та же по привычке решила, что раз мачеха не пытается завязать светский разговор, это служит лишним доказательством того, как дурно она воспитана. То, что дома Наташа общалась с мужем на «ты», тоже коробило Раймонду, которая признавала только обращение на «вы», даже с самыми близкими людьми.

– Очаровательный наряд, – процедила Раймонда сквозь зубы, косясь на костюм Наташи и мысленно пытаясь угадать, сколько он мог стоить. – Роша или Эйм?

– Нет, Пиге⁴.

– Все сейчас любят контрасты, – промолвила Раймонда с таким видом, как будто изрекла небывалую истину. Она посмотрела на портрет Наташи на стене – новехонький, сверкающий красками – и для успокоения самолюбия решила, что художник все-таки польстил своей модели.

– Вы не отчаивайтесь, – сказала Наташа без всякой видимой связи с предыдущим. – Он найдется.

Гостье очень хотелось обидеться, но она чувствовала, что мачеха искренне хочет ее подбодрить. А Раймонда как никогда нуждалась в поддержке. Как и многие люди, у которых в жизни не было настоящих трудностей, она была уверена, что судьба никогда не застигнет ее врасплох, и теперь, пропустив удар, терзалась, изводила себя сомнениями, изводила других и то и дело бросалась из одной крайности в другую.

– Вы так думаете? – недоверчиво спросила Раймонда, устремив на мачеху пристальный взгляд.

– Конечно! Просто... ну... мне кажется, что вам лучше быть с полицией откровенной и рассказать им все, что вы знаете.

– Вы не понимаете моего положения, – пробормотала Раймонда, отворачиваясь. – Я... я боюсь, что полиция начнет меня подозревать.

– Какие глупости! В чем?

– Я им сказала, что понятия не имею о... о других его женщинах, но это не так. Когда он не вернулся домой, я решила... решила, что надо ждать. Я прождала целый день, но его не было. На другое утро я поехала на бульвар Османа... Туда, где живет его любовница. Я совершила глупость, я расспрашивала консьержа... Думаю, он меня запомнил, а теперь полиция все узнает, и мне придется объяснять, почему я сказала им неправду... Вдруг они решат, что я каким-то образом причастна к исчезновению Мориса? О боже мой...

– Что вам сказал консьерж? – спросила Наташа.

– О! – Рот Раймонды горько покривился. – Он, по-моему, получил инструкции на случай моего появления... Все, что я сумела из него вытянуть, – что той... той особы нет дома, она где-то за городом. Может быть, Морис там с ней? Может быть, с ним что-то произошло, и он... он не хочет показываться мне на глаза? Или не может – сломал ногу, например? А может быть, они сидели в ее квартире и смеялись надо мной, когда я шла по улице?

Наташа повернула голову – в дверях стоял ее муж. И хотя он привык держать лицо, но по некоторым признакам жена сразу же поняла, что он чувствует себя не в своей тарелке.

– Машину Мориса нашли, – сказал граф.

– Где?

– В Ницце.

Раймонда открыла рот. На щеках ее выступили пятна.

– Что Морис мог делать в Ницце? Это немыслимо! Полиция сказала что-нибудь внятное? Где Морис? Они собираются его искать, в конце концов?

⁴ Марсель Роша (1902–1955), Жак Эйм (1899–1967), Робер Пиге (1898–1953) – известные в то время модельеры.

– Я сейчас говорил не с полицией, а с Аршамбо, – ответил граф. – Он женат на племяннице начальника уголовной полиции, и... Словом, я просил его держать меня в курсе. Неофициально, так сказать. По его словам, об исчезновении человека надо заявлять как можно быстрее, тогда больше шансов его найти.

– Ах, так это я виновата, что сразу не обратилась в полицию? – вскинулась Раймонда.

– Мы сейчас вовсе не об этом, – терпеливо ответил хозяин дома. – Вдобавок ко всему следствие затянулось из-за того, что полицейский, который начал дело, сломал ногу. У комиссара Буало, который его сменил, прекрасная репутация. Видишь, машину он уже нашел. Уверен, скоро мы узнаем, что случилось с Морисом...

Раймонда медленно опустилась на диван и стиснула руки.

– Я чувствую, что никогда больше его не увижу, – проговорила она с мукой на лице.

...Потом хлынули слезы, появился платок, который ничуть не помог делу, граф и Наташа стали наперебой утешать измученную женщину. А тем временем в кухне котенок ткнулся носом в блюдечко с молоком, блаженно мяукнул и принялся лакать, жмурясь от удовольствия.

Глава 5

Клошар

Инспектор Лебре украдкой зевнул и покосился на часы. Шел третий час допроса Жюльена Робишо, бродяги, которого задержали в машине без вести пропавшего Мориса де Фермона и затем препроводили под охраной в Париж. Третий час Робишо рассказывал своим глуховатым невыразительным голосом одну и ту же историю, дополняя ее мелкими деталями, но до сих пор нигде не сбился и ни в чем не сознался.

– Откуда у тебя машина? Тебя же неоднократно задерживали за бродяжничество.

– Я ее нашел.

– Где?

– На берегу.

– На каком еще берегу?

– Я уже говорил. На берегу Сены. Я спал под мостом. Утром выхожу – стоит машина, а рядом – никого. Дверца открыта, колеса завязли в грязи.

– Стоп, так машина стояла не на мосту?

– Я уже говорил вам, мсье, на берегу. Там дорога идет через мост и дальше вдоль берега. Кто-то съехал с дороги и спустился к реке.

– Кто?

– Откуда мне знать? Когда я вечером забрался под мост, никакой машины на том месте не было.

– Ну и что ты сделал?

– Ну, мне стало интересно, не разучился ли я водить. Я сел за руль.

– А ты, значит, шофер?

– Был когда-то. Давно.

– До того, как стал бродяжничать?

Бродяга усмехнулся.

– В общем, да.

На вид ему было лет тридцать, но седины в темных волосах хватило бы на пятидесятилетнего, да и глаза сбивали Лебре с толку. Так смотрят люди, крепко битые жизнью, люди, которым уже ничто не страшно, потому что настоящий ужас настиг их в прошлом и отметил своим невыводимым клеймом. Инспектор перевидал на своем веку немало бродяг и выслушал немало историй, но Жюльен Робишо все же ставил его в тупик. Новый костюм, который недавно купил подозреваемый, сидел на нем вполне прилично, а не как нечто чужеродное; руки, хоть и загрубели, больше походили на руки интеллигента, чем рабочего или крестьянина. Ни помятого лица, ни сизого носа – никаких примет алкоголика; речь не слишком литературная, но тем не менее и не блатная.

– В общем, ты увидел пустую машину и решил прокатиться, так? – спросил Лебре, устав ломать себе голову над этими загадками.

– Вроде того. Я сначала посмотрел – никого поблизости нет. Я думал, может, шоферу понадобилось отлучиться по нужде. Только непонятно, зачем для этого в машине к воде спускаться. Еще немного – и она бы свалилась в реку.

– Что ж не свалилась?

– Колеса завязли. Я уже вам объяснял.

– А ты что же, сумел вернуть ее на дорогу?

– Да. Но мне нелегко пришлось. На то, чтобы продвинуться на несколько метров, ушел час, если не больше. Если бы не начал накрапывать дождь, я бы вообще все бросил и ушел. Но мне не хотелось брести под дождем на своих двоих.

– И ты никого не видел возле машины?

– Нет.

– Что было после того, как ты выбрался на дорогу?

– Я не сразу на нее выехал. Мне вдруг стало не по себе. Ситуация начала казаться какой-то нелепой. Что я делаю в чужой машине? Я грязный, а тут салон пахнет дорогой кожей и женскими духами.

– Вот как? И ты их учуял?

– Мама продавала разную косметику, и духи тоже. Хорошие духи ни с чем не спутаешь.

Ага, вот оно что, значит. У матери был свой магазинчик. Торговля косметикой – это как минимум средних размеров город. Интересно, как Жюльен все-таки угодил в бродяги. Торговля оказалась неудачной, мать умерла, сына выжили другие наследники?

– Рассказывай, что было дальше, – поторопил Лебре.

Жюльен пристально посмотрел на него, и инспектор понял, что внутренне его собеседник бунтует против «тыканья», да еще в таком пренебрежительном тоне. Но Лебре был в два раза шире в плечах и знал, что вслух поставить его на место бродяга не осмелится. Когда спорят чувство собственного достоинства и инстинкт самосохранения, первому всегда приходится уступить.

– Ну, я сидел в машине и думал, уйти мне или остаться, а дождь припустил еще сильнее. Я заглянул в бардачок, но там были только папиросы и пара женских перчаток. Я хотел закурить, но спичек нигде не оказалось. Я стал искать спички и тут заметил, что под сиденьем что-то лежит. Это был дамский кошелек.

– Вот этот? – спросил Лебре, взяв улику со своего стола и предъявив ее Робишо.

Тот утвердительно кивнул.

– Сколько там было денег?

– Больше тысячи франков, – ответил бродяга, потупившись.

– И что было дальше?

– Я подумал, что влип в какую-то скверную историю, но мне осточертел дождь. Он действовал мне на нервы. Я решил ехать в машине куда глаза глядят, а по дороге купить спички и костюм. Ну и поехал.

– А теперь краткое резюме твоей истории, – инспектор принялся загибать пальцы. – Ты мирно дрых под мостом, а когда проснулся – бац! – увидел на берегу незапертую машину, в которой – вот ведь удача! – нашлись большие деньги. И ты решил отправиться в путешествие. Так?

– Ну... да.

– Ты никого не видел, ничего не слышал, никого не убивал и вообще чист, как младенец. Фраза Лебре отдавала сарказмом, но Робишо ответил вполне серьезно:

– Ночью сквозь сон я, кажется, слышал, как по мосту проходят редкие машины. Но там обычно только днем оживленное движение. Потому я и выбрал этот мост, чтобы поспать.

Лебре, насупившись, размышлял, не пора ли без всяких околичностей взять свидетеля за воротник и тряхнуть так, чтобы он сразу же понял, кто тут главный. А Жюльен меж тем продолжал:

– Ночью был еще какой-то шум, но я не уверен.

– Что еще за шум? – кисло спросил инспектор.

– Сильный плеск, как будто что-то упало в воду. Я, кажется, даже проснулся из-за него, но все было тихо, и я через минуту опять заснул.

В кабинет заглянул Буало.

– Лебре, на минутку...

Инспектор поручил своему коллеге Русселю, который сидел в той же комнате и делал вид, что не следит за допросом, караулить задержанного, а сам направился к комиссару.

– Ну, что? – спросил Буало с нетерпением.

– Бродяга, но странный. На уголовника не похож. Говорит, что мать продавала духи и косметику. Черт его знает, как он докатился до такой жизни. Упорно стоит на своем: спал под мостом, слышал какой-то плеск, утром увидел неподалеку машину де Фермона. Если верить его описанию – дверца открыта, колеса увязли в грязи, – некто пытался столкнуть машину с берега в воду, но не справился с задачей.

– А до того с моста сбросил труп?

Лебре молчал, стоя перед шефом навтыжку. Он тоже первым делом подумал о трупе, и ему было приятно, что Буало идет в том же направлении.

– Если только Робишо не врет, – на всякий случай добавил инспектор.

– А если врет? Допустим, де Фермон ехал в машине...

– Вероятно, с любовницей, потому что кошелек, который нашел в ней Робишо, явно женский.

– Хорошо, они ехали в машине, бродяга каким-то образом их прикончил – тут надо еще понять, каким, потому что с какой стати Морису подпускать к себе какого-то оборванца. Да, вот еще что: поблизости от моста, случаем, нет дороги на Сен-Клу?

– Есть. Робишо описал мне, где именно находится мост... А почему именно Сен-Клу?

– Там на небольшой вилле жила любовница Мориса де Фермона.

– Симона?

– Да. Такое милое гнездышко, чтобы пересидеть за городом летнюю жару. Консьерж дома на бульваре Османа уверяет, что Симона находилась в Сен-Клу с конца мая, но периодически навещалась в Париж. В Сен-Клу я узнал, что после 13 сентября ее никто не видел. В Париже после этой даты она тоже не появлялась. Похоже, дело о без вести пропавшем превращается в дело о двух без вести пропавших, а это уже куда серьезнее, – комиссар яростно поскреб шею. Он ненавидел пристежные воротнички, но не мог без них обходиться. – И вот еще что: Раймонда знала, где живет соперница, в смысле, ее парижский адрес. Мадам явилась на бульвар Османа и попыталась устроить консьержу допрос с пристрастием, но, кажется, ей не хватило навыков.

– И что это значит? – спросил Лебре после паузы.

– После всех ее заявлений о том, что она ни сном ни духом о похождениях мужа? А черт его знает. Может быть, ничего, а может быть, многое.

– Значит, не зря меня сегодня пытались поймать газетчики, – сказал инспектор, кое-что вспомнив. – Уже четверо вьются в приемной. Не иначе, пронюхали, что пахнет сенсацией. Испанская война и Гитлер всем надоели, олимпиада кончилась, а одной бесхвостой кометой сыт не будешь. Ревнивая жена ухлопала мужа-аристократа – вот это настоящий сюжет!

– Нам нужен труп, – проговорил Буало, не обращая никакого внимания на его слова. – Вот что, я сейчас иду к начальству. Как только утрясем вопрос с водолазами, отвезешь Робишо на место и все тщательно проверишь. Пусть покажет, где именно стояла машина, где он спал и так далее...

– Если труп – или трупы – бросили в воду в ночь с тринадцатого на четырнадцатое, они бы уже всплыли, – несмело заметил инспектор. – С поправкой на направление течения и его силу...

– Комиссар Гренье уже давно разослал приметы пропавшего куда следует, – с некоторым раздражением ответил Буало. – Среди свежих трупов, в том числе утопленников, Мориса де Фермона нет. Что вполне логично, если к телу привязали груз и сбросили его с моста... Оно должно быть до сих пор где-то там, на дне.

– А если Робишо нам соврал?

– На месте все прояснится, – комиссар пристально посмотрел на Лебре. – Ты его не прес-совал, я надеюсь?

– Нет, вы же сказали действовать аккуратно.

– Ну, вот и продолжай в том же духе.

Отпустив инспектора, Буало некоторое время сидел на стуле, глядя мимо трезвонящего телефона, который прямо-таки надрывался, требуя к себе внимания. Потом, по-прежнему не обращая внимания на телефон, пригладил редкие темные волосы, поправил воротничок и отправился к начальнику уголовной полиции.

Глава 6

Натали

Наташа взяла книжку – не читалось, принялась за модный журнал, – но даже мир материальных грез, воплощенный в вещах, был сейчас бессилен ее увлечь. Бросив журнал на стол, она поглядела на котенка, который бродил по ковру, между пятнами тени и света, и выглядел при этом необычайно серьезно, как миниатюрный белый тигр.

«И почему я так волнуюсь? – думала Наташа. – Мне совершенно нечего бояться. Я ровным счетом ничего не сделала...»

Но чем больше она размышляла о том, что ей нечего бояться, тем неудобнее себя чувствовала. Первопричиной этого состояния был, конечно, звонок комиссара Буало, который осведомился, дома ли госпожа графиня, и попросил позволения нанести визит.

Наташа чувствовала бы себя куда увереннее, если бы рядом находился муж, но Робер, как назло, уехал на какую-то скучную деловую встречу. Круг его общения озадачивал ее – там были и политики, и промышленники, и финансисты, и деятели прошлого, и будущие министры. Сам он, впрочем, в минуту откровенности охарактеризовал их всех жене очень кратко:

– Напыщенные ослы!

Граф де Круассе состоял в акционерном совете крупного предприятия, в меру, как и его знакомые, занимался благотворительностью и тщательно следил за состоянием собственных финансов. Он покупал и продавал ценные бумаги, вкладывал средства в золото, внимательно выслушивал деловые советы некоторых знакомых, приближенных к верхушке власти, и вообще слыл ловким малым, который держит нос по ветру. Однако репутация ловкого малого просто так не дается – ее нужно поддерживать, ни в коем случае не теряя связи с множеством важных и нужных людей, а также с некоторым количеством их фаворитов и прихлебателей. В эту область своей жизни муж посвятил Наташу только отчасти. Они бывали на приемах, но редко кого принимали у себя, а наблюдая за Робером в обществе, она была вынуждена прийти к заключению, что он много с кем поддерживает отношения, но предпочитает ни с кем не дружить. Дело было вовсе не в гордыне или аристократической заносчивости, а в том, что граф слишком долго вращался в этом кругу и знал всю подноготную его участников. От него не ускользали подробности подковерных сделок и неожиданных обогащений, не говоря уж о великосветских браках, сообщения о которых украшали страницы светской хроники, и там, где толпа видела романтику и красивую историю, он обращал внимание только на размер приданого и переход денег из одних рук в другие. Разумеется, он всегда оказывался прав, но иногда Наташе хотелось, чтобы муж хоть в чем-нибудь ошибся. Ей казалось, что первый, неудачный брак ожесточил его, из-за чего Робер до сих пор видит мир в черных красках. Но какого бы мнения он ни придерживался о мире, Наташа всегда чувствовала, что муж сумеет ее защитить, а именно чувства защищенности ей сейчас и не хватало.

Вошла Антуанетта, доложила, что комиссар Буало просит его принять, и хозяйка пробормотала в ответ что-то неразборчивое, что, впрочем, все же можно было истолковать как согласие. Раньше она не встречалась с комиссаром, и когда перед ней оказался полноватый плешивый брюнет хорошо за сорок, похожий на буржуазного отца семейства и уж точно совсем не страшный, Наташа даже почувствовала нечто вроде легкого разочарования.

– А вы совсем не похожи на полицейского, мсье! То есть... я хочу сказать... Не угодно ли вам присесть?

Полицейский, непохожий на полицейского, сел в кресло и не без любопытства воззрился на хозяйку дома. Его интересовало, как скоро эта лучезарная красотка выдаст себя, когда жесткий блеск глаз или какая-нибудь ведьминская гримаса покажет ее истинную натуру. Но она своим милым голоском прошептала что-то о погоде, потом взяла на руки котенка и, устро-

ившись на диване, положила его себе на колени. На столике стоял флакон духов, и, повернув голову, Буало прочитал их название: «Океан любви». Такие вещи, кажется, должны привлекать женщин, склонных к романтике, – но комиссар не вчера родился и знал, что любой предмет может как приоткрывать, так и скрывать истинную натуру владельца.

– Глупо с моей стороны, вы же пришли сюда не о погоде слушать, – немного сбивчиво заговорила Наташа. – Я, конечно, рада помочь вам, чем смогу, но я не так уж хорошо знаю мсье де Фермона...

Про себя комиссар отметил, что его собеседница сказала «знаю» в настоящем времени, а не «знала», например.

– Скажите, госпожа графиня, как давно вы знакомы с вашим зятем?

Наташа надулась. Она до сих пор так толком и не успела привыкнуть к обращению «госпожа графиня», оно резало ей слух. И, кроме того, какой Морис де Фермон ей зять? Смешно, ей-богу.

– Ну, когда я с ним познакомилась, у меня и в мыслях не было, что он станет моим зятем, – начала она.

Комиссар решил, что это самая очаровательная шпилька, которую он когда-либо слышал из уст женщины – однако свое восхищение благоразумно оставил при себе. Ему показалось, что он понял секрет очарования своей собеседницы, благодаря которому именно она сумела пленить графа де Круассе. Она была очень естественна – настолько, что это казалось утонченнее даже изысканного женского коварства.

– Кажется, это было зимой, – добавила Наташа, имея в виду, когда именно она впервые встретила Мориса. – В феврале. Нет, в декабре. Да, точно в декабре, потому что снимали в студии, а в феврале я ездила в Голландию демонстрировать моды, это уже другая история. Он зашел в студию к одной своей знакомой...

– Ее имя?

Наташа почувствовала смутное неудовольствие. Она бы куда охотнее обошлась без всяких имен. «А у него не очень-то хорошие глаза», – с удивлением подумала она, отмечая, как комиссар смотрит на нее.

– Ее имя Франсуаза, но все зовут ее Симона, – промолвила она вслух. – Не знаю, почему.

– Мы говорим о Франсуазе Дюфур, верно?

– Да.

– А что именно она делала в студии?

– Привезла сумочки для съемки, кажется. Но они не очень подходили к вечерним платьям, которые снимали в тот день.

– Вам нравилось работать моделью?

Наташа ساختила легкую гримаску.

– Надо же как-то зарабатывать на жизнь, верно?

– А сколько, кстати, получают модели?

– Бывает, что по две тысячи франков в месяц.

Черт побери. Комиссар получал только на двести франков больше.

– Скажите, госпожа графиня, вы хорошо знаете Симону?

– Я иногда видела ее на съемках или в модном доме, в котором работала. «Ирвен», пишется через ирек в начале, – на всякий случай пояснила Наташа. – В этом мире все знают друг друга. Я слышала, что у нее есть любовник, но как-то не интересовалась, кто он. Ну вот, тогда, в декабре, он и появился в студии.

– Один?

– Нет, он пришел вместе с другом. – И, сделав над собой усилие, Наташа добавила: – Его зовут Арман Ланглуа. Скажите, а мне обязательно все рассказывать?..

– Я лишь пытаюсь представить себе общую картину, – спокойно ответил Буало. – Как я слышал, вы начали встречаться с мсье Ланглуа, а мсье де Фермон оставался для вас просто кем-то вроде доброго знакомого. Верно?

– Верно, – Наташа с облегчением выдохнула.

– Потом мсье Ланглуа уехал, а вы вышли замуж и некоторым образом породнились с мсье де Фермоном.

– Да, но они с женой живут отдельно. Я не могу сказать, что мы часто видимся.

– А с Симоной вы часто общались?

– Нет. Раньше было забавно в перерыве посидеть в бистро всей женской компанией и посудачить. Сейчас уже не то.

Само собой, какое уж тут пролетарское бистро для графини. Уровень не тот.

– Скажите, госпожа графиня, как лично вы для себя объясняете исчезновение вашего зятя? Обещаю вам, все, что вы скажете, останется между нами.

Опять зять. Да что же такое, в самом деле!

– Если между нами, – после паузы призналась Наташа, – я решила, что он где-то укрылся с Симоной, чтобы подразнить Раймонду. Он жаловался мне, что жена предъявляет на него слишком много прав, и говорил, что ему с ней тяжело.

– Вы с ним не так уж хорошо знакомы, и тем не менее он признавался вам в таких личных вещах?

И, подловив свою собеседницу, комиссар стал с любопытством ждать, как она отобьет этот удар.

– О своих несчастьях он готов был говорить с кем угодно, – парировала Наташа сердито, – то есть о том, что он считал несчастьями. Послушать его, так ему всю жизнь не везло. И жена у него не такая, и денег вечно не хватает, и Симона его ограничивает...

– В чем, простите?

– Ну, она пыталась на него повлиять. Слишком уж широкий образ жизни он вел. И потом, она его любит, ей всегда были неприятны его интрижки. Он то и дело ей изменял, правда, в последнее время гораздо реже.

– Глядя на вас, мадам, – мягко ввернул Буало, – я просто не могу поверить, что ему не пришла в голову мысль поухаживать за вами.

Наташа нахмурилась. Направление, которое принимал разговор, пришлось ей не по душе.

– Что, собственно, вы пытаетесь доказать? – спросила она с прямотой, которая делала ей честь. – Можете верить или нет, но меня он никогда не интересовал.

– Позволительно ли спросить, почему?

– Потому что он пустое место.

Определеннее и не скажешь. Получается, в семье не только граф видел Мориса де Фермона насквозь.

– Но жена, кажется, любит это пустое место, – негромко заметил Буало. – Как и мадам Симона.

– Ну, он умеет производить впечатление, этого у него не отнимешь. Красивый, воспитанный, всегда любезный. Но кроме этого – ничего.

– Вы помните, госпожа графиня, когда именно видели его в последний раз?

– Да, я постаралась вспомнить, потому что знала, что вы будете спрашивать. В романах же всегда задают этот вопрос... Одиннадцатого сентября он приезжал к нам с женой и детьми. Мы очень мило посидели... как одна семья.

– А позже вы не видели мсье де Фермона?

– Нет.

– И не оставляли у него, например, вот эти перчатки?

И комиссар достал из кармана пару сиреневых кожаных перчаток, которые были обнаружены в бардачке машины Мориса.

Наташа изменилась в лице и вся напряглась.

– Я... Нет, это не мои.

– Вы уверены, мадам?

– Я уверена, – она выдавила из себя вымученную улыбку. – Нет. Это не мое.

Комиссар не стал ей говорить, что дорогие перчатки, сделанные по индивидуальной мерке, записываются в клиентские книги производителей и что отыскать заказчика в таком случае – плевое дело. Не стал он упоминать и того, что инспектор Лебре между делом уже успел съездить на улицу Мира и совершенно точно узнал, что данные перчатки были изготовлены именно для госпожи графини де Круассе. Куда более важным был для Буало тот факт, что собеседница пыталась лгать ему в лицо, но делать этого не умела и оттого выглядела, скажем прямо, жалко.

– Вы больше ничего не хотите мне сказать, госпожа графиня? – спросил он спокойно, убирая перчатки в карман.

– О чем? О господи! Что еще Морис вам наговорил?

Комиссар пристально посмотрел на нее. В течение какой-то доли секунды ему надо было сделать выбор: виновна или нет, замешана или же просто оказалась поблизости, по глупости или от невезения. С одной стороны, Наташа казалась искренней, с другой – явно темнила и что-то скрывала. Неужели она все-таки затеяла интрижку со своим зятем? А как же Арман Ланглуа, какова его роль во всей этой истории? Не мог ли Арман, в самом деле...

Стоп, приказал себе комиссар. Сначала факты, потом версии – как учил его когда-то старый опытный полицейский в комиссариате Шестнадцатого округа города Парижа. Телегу не ставят впереди лошади, а кто так делает, очень быстро раскаивается.

– Благодарю вас, госпожа графиня, за то, что вы смогли уделить мне ваше драгоценное время, чтобы разъяснить некоторые моменты.

Всю эту чепуху Буало проговорил с самым серьезным видом. Наташа, взяв на руки котенка, держала его так, словно он мог защитить ее от полицейского. Когда котенок жалобно мяукнул, она опомнилась и опустила его на диван.

Очень учтиво попрощавшись с хозяйкой дома, комиссар удалился. Наташа смотрела ему вслед, и у нее было такое чувство, как будто ее жизнь вот-вот рухнет к ее ногам грудой осколков.

Глава 7

Рутина

Звонок.

– Комиссар Буало слушает.

– Это Моро, по поводу машины. Отпечатков пальцев множество, большинство принадлежит Робишо, но есть и неустановленные. На руле только его отпечатки, так что установить, кто до него вел машину, не представляется возможным. Теперь вот что: вы спрашивали насчет следов крови. Сиденья были чисто протерты, но мои ассистенты вскрыли швы. Короче, несколько капель попало внутрь и окрасило соединительные нити. Я пришлю вам отчет...

– Какое именно сиденье?

– Заднее.

– Крови было много?

– Я бы не сказал.

– Как по-вашему, мсье Моро, убийство могло произойти в машине?

– Ну, либо жертву убили в машине, либо труп перевозили на заднем сиденье. Правда, я не заметил следов борьбы, но тут еще многое зависит от способа убийства.

– Благодарю вас, мсье Моро. Если вдруг обнаружите еще что-нибудь, немедленно звоните.

– Разумеется. До свидания, комиссар.

Трубка плюхается на рычаг. Через пару секунд – новый звонок.

– Комиссар Буало.

– Арсен, ты будешь сегодня к обеду?

Жена.

– Нет, дорогая, я никуда не успеваю. У меня тут прорва работы.

– Не забудь пообедать, – тревожится супруга. – Гоняться за преступниками на голодный желудок не слишком полезно для здоровья...

Буало, не выдержав, фыркает. Это их маленькая семейная игра – когда один серьезным тоном изрекает какую-нибудь прописную истину, а другой, как сейчас комиссар, еще более серьезно отвечает:

– Разумеется, дорогая. Даже не сомневайся!

Буало чувствует, что жене страсть как хочется спросить у него, надолго ли он задержится на работе, но она по опыту знает, что он терпеть не может этот вопрос, и потому лишь вздыхает. Попрощавшись, супруги одновременно кладут трубки.

Однако насладиться тишиной комиссару не удастся, потому что снова раздается звонок. На сей раз на проводе доктор Леконт из Института судебной медицины.

– Итак, комиссар, труп, который ваши люди подняли из воды, принадлежит мужчине лет тридцати – тридцати двух, рост – метр восемьдесят два, волосы темно-каштановые. На лучевой кости правой руки хорошо сросшийся застарелый перелом. Предположительно рука была сломана в возрасте четырнадцати-пятнадцати лет...

– Причина смерти? – не утерпев, спрашивает Буало.

– Выстрел в голову. Пулю я извлек, перешлю вашим экспертам, но это точно 7,65. – Доктор имел право говорить как знаток, потому что сотни, если не тысячи раз сталкивался с огнестрельными ранениями.

– А что насчет времени смерти?

– Учитывая, что тело пролежало в воде больше недели, – не позднее четырнадцатого сентября.

– Спасибо, доктор!

Повесив трубку, Буало немного поразмыслил и набрал номер виллы в Сен-Клу, где сейчас работала целая бригада экспертов и сотрудников уголовной полиции.

– Мадам Бенуа, приходящая прислуга, опознала плед, в который был завернут труп, найденный в Сене. Драгоценности Франсуаза Дюфур и многие из ее вещей исчезли, их нет на вилле. Также не хватает двух чемоданов. Машины Симона нет на месте. Наши люди продолжают осматривать дом и искать свидетелей.

Комиссару хотелось курить, но с некоторых пор курение стало приводить к одышке, и врач настоятельно рекомендовал ему отказаться от сигарет. Наохлившись, Буало достал из кармана монету, поставил ее ребром на стол и закрутил волчком.

...Итак, утром Лебре вместе с другими полицейскими, экспертами и бригадой водолазов отвез Жюльена Робишо к месту его ночлега. Бродяга показал мост, место, где спал в ночь с тринадцатого на четырнадцатое сентября, и повторил свой рассказ об обстоятельствах, при которых нашел машину Мориса де Фермона. После этого эксперты занялись поиском улик, а водолазы стали обследовать русло реки возле моста. На берегу ничего особенного обнаружить не удалось, а вот водолазам повезло куда больше. Меньше чем через два часа из воды извлекли завернутое в плед тело, которое кто-то для верности обмотал еще и тяжелыми цепями. Судя по всему, убийца очень не хотел, чтобы Морис де Фермон когда-нибудь всплыл.

– Откуда цепи? – пробормотал Буало себе под нос, накрывая ладонью монету, пляшущую на столе.

Он предпочитал думать о цепях, хотя, по правде говоря, ему следовало бы скорее поразмыслить о том, в какой форме преподнести Раймонде, графу де Круассе и близким Мориса весть, что тот стал жертвой преступления. Потому что все приметы убитого совпадали с приметами де Фермона, а раз не оставалось сомнений, что труп, вытасканный из Сены, принадлежит именно ему, у комиссара больше не было пространства для маневра.

– Вот черт побери! – не удержался он.

И снова закрутил монету волчком.

Итак, Морис де Фермон застрелен, Симона, она же Франсуаза Дюфур, исчезла, а перчатки графини де Круассе обнаружили в машине жертвы. Допустим, Морис влюбился в Натали и решил бросить старую любовницу. Могла ли Симона убить его?

...А почему, собственно, нет?

Опять телефон. Чертыхнувшись, Буало хлопнул ладонью по монете и левой рукой снял трубку.

– Комиссар Буало.

– Комиссар, это бригадир Шапель. Я тут в Сен-Клу выяснил кое-что, что может вас заинтересовать. Вилла, на которой жила Франсуаза Дюфур, раньше принадлежала отставному капитану, который всю свою жизнь провел в море. При нем на вилле были разные морские штучки, причем не только раковины, но и куски якорных цепей, и сигнальные флаги, и даже целая носовая фигура корабля. Когда капитан умер, всю эту рухлядь хотели выбросить, но не успели, а теперь ее нет на месте. Точнее, цепей нет. Вы понимаете, да? Труп был завернут в плед и обмотан якорными цепями. Плед с виллы, цепи отсюда же... Получается, убийца именно здесь заворачивал труп и отсюда ехал бросать его в воду.

– Мне нужна Франсуаза Дюфур, – сказал комиссар тяжелым голосом.

– Да, комиссар. Конечно, комиссар. Как только мои люди что-то разузнают, я немедленно вам сообщу.

В который раз Буало повесил трубку и машинально закрутил волчком монету. Ему надо было разобраться в себе.

Почему он не поехал утром на берег Сены? Половина его коллег предпочла бы оказаться там, чтобы присутствовать при подъеме тела.

Почему не отправился в Сен-Клу и лично не осмотрел виллу любовницы Мориса?

Почему он только давал поручения, говорил по телефону, вертел монетку – и думал? Почему его упорно не оставляло ощущение, что в этом деле, таком простом с виду, таится какой-то тщательно замаскированный подвох?

В дверь негромко постучали.

– Войдите! – крикнул комиссар, даже не скрывая своей досады.

К его изумлению, на пороге стоял следователь Тардье. Обычно следователи не ходили к комиссарам, даже самым заслуженным. Прокуратура традиционно ставила себя выше полиции – и требовалось что-то из ряда вон выходящее, чтобы она забыла о своем месте в иерархии государственной власти.

– Надеюсь, я не помешал? – спросил Тардье со своей обычной учтивостью.

Комиссар поднялся ему навстречу, но тут монетка, о которой он успел забыть, подкатилась к краю стола и едва не соскользнула на пол. Буало поймал ее на лету. Тардье невозмутимо наблюдал за происходящим, но по его лицу нельзя было сказать, что он думает о моментальной реакции комиссара.

– Прошу вас, садитесь... Вот этот стул будет получше.

С точки зрения следователя, стулья, предназначенные для посетителей, были совершенно одинаковы, но спорить он не стал. Очевидно, один из стульев пользовался дурной славой потому, что на нем чаще сидели преступники – не исключено, что и такие, которым в перспективе светил смертный приговор.

– Итак, вы нашли Мориса? – негромко начал Тардье, сев и вперив в комиссара внимательный взгляд.

– Теперь уже можно определенно утверждать, что это он, – ответил комиссар и сжато пересказал своему собеседнику все, что уже известно читателю.

– Что вы намерены делать дальше? – спросил следователь.

– Искать оружие, как только баллистики установят, из какого ствола была выпущена пуля. Если убийца – Симона, откуда-то она должна была его достать. Если де Фермона убил кто-то другой, опять же, встает вопрос об оружии.

– Вы уже сообщили семье?

Комиссар исподлобья поглядел на посетителя.

– Нет, я...

Оповещение родственников жертвы относилось к тем редким моментам в работе, которые он категорически не любил. Буало сознавал, что ему давно следовало бы нарастить защитный панцирь, то есть попросту привыкнуть к реакции убитых горем людей и к тому, что за ней обычно следует, но – не мог, и все тут.

– Я думал собрать больше информации, – выдавил он из себя.

И тут Тардье его удивил.

– Пожалуй, я сам их извещу, – сказал он.

И после легкой паузы:

– Вас что-то беспокоит, комиссар?

– Не знаю. Я пока еще не держу в руках все нити, – Буало поморщился. – Мне понадобится ордер на обыск парижской квартиры Франсуазы Дюфур, а также ордер на ее арест по подозрению в убийстве.

– Вы все получите. – И, поднимаясь на ноги, Тардье после некоторого колебания добавил: – Позвольте мне дать вам один совет, комиссар. Это дело будет очень громким, так что соблюдайте осторожность в своих комментариях газетчикам.

– Уж этого-то ты мне мог и не говорить, – буркнул комиссар. Но он произнес эти слова только после того, как за следователем закрылась дверь.

Глава 8

Бывшая

Буало был недоволен собой. Ему казалось, что он обнаружил перед Тардые свою слабость, и тот воспользовался обстоятельствами, чтобы указывать ему, чего он должен или не должен делать. Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, комиссар вызвал Лебре и зачем-то поручил ему привести Жюльена Робишо.

«Какой-то он пришибленный, – подумал Буало, наблюдая, как бродяга садится, как украдкой осматривает обстановку кабинета и затем переводит взгляд на него самого. – Лицо чистое, на пьяницу не похож. Во всяком случае, любопытный экземпляр».

– Почему Ницца? – спросил он вслух.

– А? – удивился Жюльен.

– Почему вы поехали именно в Ниццу?

– А вы бы не хотели побывать у моря? – вопросом на вопрос ответил бродяга. – У меня, в общем, и плана-то никакого не было. Я просто ехал куда глаза глядят, где-то задерживался, где-то наоборот. Потом вижу указатель – Ницца. Вот здорово, думаю. Красивый город, наверное, есть что посмотреть. Ну, в Ницце меня и сцапали. Но я с самого начала не сомневался, что рано или поздно меня остановят.

– Если не сомневался, почему тогда сел в машину?

Жюльен вяло пожал плечами.

– Мне все равно не могло стать хуже, чем тогда.

– Море-то хоть увидел?

– Ага.

– И как?

– Шумное. И цвет у него не такой, как я думал.

– А сейчас ты чего хочешь?

– Я? Не знаю. Кофе. С рогаликом.

Буало поднялся с места.

– Пошли.

– Куда? – изумился Жюльен.

– Кофе пить. Не беспокойся, я угощаю.

Они вышли из дворца правосудия, и Буало направился в хорошо ему знакомое бистро на улице Дофины, где для него всегда освобождали лучший столик у окна с видом на мост Искусств. Жюльен с ошарашенным видом молча семенил рядом.

Нельзя сказать, что Буало не думал о том, что бродяга может воспользоваться моментом и запросто скрыться в толпе. С точки зрения логики это было вполне возможно, но инстинкт полицейского, на который комиссар привык полагаться не меньше, чем на свои пять чувств, упорно нашептывал ему, что Жюльен Робишо никуда не денется. И в самом деле, они благополучно добрались до кафе, сели, и комиссар попросил принести два кофе с круассанами.

– Я ведь вам уже все сказал, – внезапно проговорил Робишо, держа чашку обеими руками, словно в ней было что-то взрывоопасное. – Точнее, вашему инспектору. Мне добавить нечего.

– Я разве тебя о чем-то спрашиваю? – пожал плечами комиссар. – Мне только вот что странно. Ты не похож на человека пропадающего. Я понимаю, сейчас трудновато найти работу, но почему бы не попробовать? Ты же был когда-то шофером, насколько я понял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.